

О НАРОДЕ, ДЛЯ НАРОДА...

У КАЖДОГО советского художника, будь то писатель, деятель театра или кино, скульптор или композитор, сегодня прекрасное, боевое настроение! Мы снова с особой силой почувствовали твердую, направляющую и дружескую руку партии.

Замечательная речь Н. С. Хрущева на встрече пронизана большой заботой о расцвете нашей литературы, о воспитании нового человека — строителя коммунизма. Именно этими высокими соображениями руководствуется наша партия.

Сегодня мне хотелось бы поделиться некоторыми мыслями о положении в нашей драматургии, а значит, и в театре.

ГЛАВНОЕ И НЕГЛАВНОЕ

Нет слов, наша драматическая литература за последнее время сделала резкий качественный скачок. Расширилась проблематика пьес, появилось немало произведений, интересных и по содержанию, и по форме.

И тем не менее все еще мало у нас пьес, в которых наш современник представал бы во всем величии своих дел и свершений, во всей красоте своего духовного облика.

У нас больше стало острых споров по актуальным проблемам драматургии и театра. И все же далеко не всегда эти споры были по-настоящему принципиальными, интересными, не всегда они оставляли добрый след. Нечего греха таить, у нас еще иногда мелочные, а то и групповые соображения заслоняют большее и важное, мы не всегда еще помним о том, что дискуссии должны вестись на принципиальной партийной основе.

На одной из творческих дискуссий мне довелось услышать реплику: о каком «главном направлении» может идти речь? Нарodu нужны пьесы хорошие и разные, а чему они будут посвящены — это не так уж важно.

Верна ли подобная постановка вопроса? Нет, и еще раз нет!

Да, народу нужны хорошие и разные пьесы, но прежде всего такие, в которых наиболее полно и ярко отражены закономерности нашей жизни, пьесы, которые отвечают на жгучие вопросы современности, поэтически осмысливают сложные явления, пьесы, в которых действуют настоящие герои, те, кто сегодня —

на переднем крае нашей борьбы за коммунизм.

«Океан» А. Штейна, «Весенний гром» Д. Зорина, «Честность» А. Софронова, «День рождения Терезы» Г. Мдивани, «Хозяева жизни» Ю. Чепурина, «Палата» С. Алешина, «Левониха на орбите» А. Макаенка, «Антеи» Н. Зарудного, «Дневник женщины» К. Финна, «Игра без правил» Л. Шейнина, «Ленинградский проспект» И. Штока, «Большое волнение» И. Дворецкого... Какое обилие названий, сколь различны манеры писателей, их творческие поиски!

Но в каждой из этих пьес есть то главное, что определяет их общественную значимость, — отражение нашего времени, наших дел и свершений, есть настоящие люди, наши современники.

Разве можно поставить рядом с такими пьесами «Дорогу через Сокольников» В. Раздольского, пьесу, в которой взрослый парень, провалившийся на экзаменах в вуз, идет не на завод, не в цех, а... в домработницы? И драматург сочувствует ему!

Нет, мы не можем, не имеем права снять вопрос о главном направлении в нашей драматургии, в нашем театре. О том направлении, которое определяется магистральными темами нашей жизни, нашим живым участием в практике коммунистического строительства.

Вопрос этот не такой уж простой, каким он может показаться. Ведь, по существу, это проблема отношения писателя к действительности, понимания им требований жизни.

ИДЕЙНОСТЬ

И МАСТЕРСТВО

На одном из семинаров драматургов мне пришлось прочитать довольно много пьес молодых и не только молодых авторов. Некоторые из прочитанных произведений по своему идейно-художественному замыслу, несомненно, представляли интерес. Однако на профессиональную сцену вышло лишь незначительное их число. Что же помешало остальным? Отсутствие профессионального мастерства у авторов. Да и те пьесы, названия которых появились на театральных афишах, отнюдь не лишены серьезных недостатков.

Костромской театр не так давно показал спектакль «Финал». Кстати, автор пьесы П. Строгов был участником семинара. В произведении немало хорошего, и инициативу театра хочется поддержать. Но драматургическое действие в пьесе неровно, не в полную силу выписаны характеры, язык персонажей нивелирован. Театр проделал большую работу, однако...

Учиться, учиться, оттачивать мастерство — вот одна из важнейших задач, стоящих перед нами.

Но мастерство — не самоцель, и об этом нам тоже нельзя забывать. К сожалению, говоря о мастерстве, мы сплошь и рядом упускаем главное — идейность наших пьес.

На наших театральных подмостках сегодня доволь-

но много так называемых «кассовых» пьес, развлекательных «комедий» и слезоточивых мелодрам. Борьба за идейность и мастерство — это одновременно и борьба со спекулятивной драматургией, со стремлением «выехать» на актуальной теме, на высокой гражданской идее.

Кстати, спекуляция на актуальной теме никогда не приводила к успеху. Как правило, она ведет в «лучшем» случае к поверхностному изображению важных и сложных явлений жизни.

Нельзя утверждать высокие коммунистические идеалы, не борясь за идейность, партийность и народность драматургии.

Вот почему решительное возражение вызывает пьеса К. Икрамова и В. Тендрякова «Белый флаг», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (№ 12, 1962). В пьесе затронута острая тема, связанная с культом личности. Однако авторы не сумели глубоко и серьезно ее решить. Они по существу попытались «столкнуть» поколения, в искаженном свете изобразили нашу жизнь. Пафос художественного произведения решающим образом зависит от философии, морального, духовного облика героев. В пьесе же «Белый флаг» нет подлинных героев наших дней, ее персонажи духовно убоги и жалки.

ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

— Ну вот, опять о современности, опять о современнике. Наши о чем спорить. Каждый изображает его так, как он его себе представляет, — слышится подчас на наших дискуссиях.

Никто, разумеется, не собирается покушаться на свободу творчества писателя. Но ведь некоторые наши так называемые «герои»-современники иной раз оказываются лишенными главных, определяющих качеств: идейной убежденности, твердости характера, принципиальности. Лишенными, далее, простого человеческого обаяния, той привлекательности, которая всегда сопутствует силе мысли, смелости убеждений. И что же? Подобные «герои», естественно, не вызывают к себе симпатии!

В Ярославском театре имени Ф. Волкова я смотрел спектакль «Огонь на себя». Драматург И. Назаров выступил, на мой взгляд, с пьесой во многом интересной. В ней отчетливо видно стремление автора запечатлеть черты нашего героико-романтического времени. Но неудача постигла драматурга в обрисовке одного из главных персонажей, который должен являть собой «пример для подражания». Персонаж этот, абсолютно «правильный», «умный», оказался наивно лишенным раздумий и душевных порывов. Ему не до того... Хочу быть понятым правильно — я веду речь отнюдь не о пресловутой «червоточинке». Я говорю о том, что образу явно не хватает живых, жизненных красок.

Не можем мы к героям нашего времени отнести и «мальчи-

ков» из иных пьес. Поехал школьник на целину, еще ни одного дня там не проработал, а мы уже спешим записать его в герои...

Беда, на мой взгляд, состоит еще и в том, что иной раз мы героев бескрылых выдаем за подлинных, при этом нередко называя их «интеллектуальными». Да, наш современник, бесспорно, человек интеллектуальный: широк круг его духовных интересов, он вооружен сегодня знаниями, любит литературу, умеет сам, без постороннего вмешательства отличить хорошее от дурного. Но интеллектуальность советского человека, как я понимаю, определяется прежде всего его отношением к труду, к общественным обязанностям, его пониманием общественной жизни.

На одной из дискуссий товарищи договорились до того, что такие люди, как Валентина Гаганова, не представляют якобы интереса для драматурга. Особенно, если не показать, как, дескать, она разрушала стену бюрократизма и равнодушия. А как быть, если почин Валентины Гагановой встретил на фабрике горячую поддержку? Если ей не пришлось ломать холодный лед равнодушия? Как быть тогда? Придумывать искусственные конфликты?

К сожалению, у нас часто узко трактуется проблема интеллектуального героя.

Возьмите «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М. Шолохова, «Разгром» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, произведения К. Федина, В. Катаева, П. Нилина... А Любовь Яровая, Павка Корчагин, Чапаев, Зоя Космодемьянская, герои-краснодонцы? А великий гражданин Шахов? Разве им можно отказать в интеллекте?..

Почему же модное определение «интеллектуальный герой» почитается в наши дни за некое открытие? Может быть, кое-кому хотелось бы, чтобы исчезло из нашего обихода понятие «положительный герой»? Приверженцы «интеллектуального» героя основываются на том, что это высокое понятие у нас иной раз дискредитировалось и «положительность» порою оборачивалась такой отталкивающей железобетонностью.

Но вот я прихожу в театр и вижу эти, с позволения сказать, «утонченные» натуры так называемых «интеллектуальных героев», которые куда ближе к литературе буржуазного Запада, нежели к нашим настоящим современникам. К сожалению, именно на таких героев нас нередко ориентируют некоторые наши театральные критики и теоретики.

В журнале «Новый мир» в конце прошлого года напечатана статья о пьесе К. Финна «Дневник женщины». Автор ее Ю. Волчек критикует пьесу по существу за то, что в ней выведены сильные и цельные характеры, что драматург тепло, с уважением пишет о людях старшего поколения. Главную беду пьесы критик видит в том, что старшие показаны в ней руководителями, учителями, наставниками молодежи. Но что же в этом плохого?

«НОВАТОРЫ»

БЕЗ КЛАССИКОВ

Без поисков нового не может быть настоящего искусства. Это аксиома. Однако подчас поиски эти не выходят за рамки поисков новых форм, идут, если можно так выразиться, по касательной к главной магистрали.

Драматург написал пьесу, где действуют только два персонажа, — «новатор»! Режиссер поставил спектакль без занавеса — «новатор».

Мы порою слишком легко и просто присваиваем это высокое звание. Реже, куда реже говорим мы о подлинных новаторах, сумевших глубоко проникнуть в строй мысли и чувств наших современников.

В Центральном Доме литераторов я присутствовал как-то на беседе. Оно было посвящено театру будущего. В нем приняли участие не только драматурги, театральные критики, но и видные мастера советской сцены.

Мне казалось, что на этой встрече речь пойдет о творческом усвоении богатейшего классического наследия, о поисках новых средств в раскрытии мира мыслей и чувств советского человека.

Для такого разговора у нас есть богатый материал.

Однако разговор о театре будущего на этой встрече свелся к тому, что новый театр будет синтетическим, что он будет включать и кино, и телевидение и т. д. Против этого возражать не приходилось. Но имеем ли мы право пренебрегать опытом русской классической и мировой драматургии, опытом советских драматургов старшего поколения?

К сожалению, необходимость творческого усвоения классического наследия у нас нередко недооценивается. Приходилось слышать мнения, что драматургия А. Н. Островского «старомодна», что нам совершенно не обязательно, чтобы чеховское ружье, повешенное в первом акте, выстрелило. На вечере, посвященном В. Хлебникову, я с удивлением услышал, что советская поэзия обязана ему куда больше, нежели А. С. Пушкину. Кубинский поэт Николай Гиллен спросил одного молодого поэта, какое влияние на его творчество оказала русская классическая литература, на что тот ответил: «Лично на меня — никакого, я сам по себе».

Все это выглядит, мягко говоря, странно...

Сколько бы мы ни говорили об открытиях в драматургии и театре, ясно, что без творческого усвоения опыта наших предшественников мы не добьемся больших качественных изменений.

На огромных просторах нашей Родины сегодня идет героическая битва за коммунизм. В труде рождается будущее, счастье, слава Отечества. На наших глазах труд преображает землю, жизнь, и сам человек преображается. И нет у нас сегодня более почетной задачи, чем запечатлеть в своем творчестве мужественный подвиг наших современников, ради которых мы пишем.